

За тремя волоками, в лесной стороне...

СОБЕСЕДНИК

Юрий Серафимович Бородкин – самый известный из ныне живущих на Ярославской земле писателей. Его роман «Кологривский волок» выдержал несколько изданий. Читателям «Северного края» знакомы многочисленные публицистические выступления Юрия Бородкина. Сегодня Юрию Серафимовичу Бородкину – 70 лет. Это ли не повод поговорить с ним о литературе и жизни?

– Что побудило вас, изначально человека технической профессии, выбрать себе литературную судьбу?

– Я родился в городе, а вырос в деревне, давшей мне знание ее жизни, природы, народного языка, что пригодилось позже. Изначально не мечтал стать ни технарем, ни тем более, писателем. За техническим образованием оказался временный перевес, но получилось по Бунину: все человеческие судьбы случайны и зависят от судеб их окружающих. После десятилетки я послал аттестат в Ленинградский химико-технологический институт, затем по совету родни отозвал документы, поскольку не было средств на такое учение, и поступил в военное училище в Ярославле. Вот здесь и произошло первое побуждение к занятию сочинительством, объяснимое тоской по дому, по деревенской вольнице.

И все же после училища я сделал попытку поступить в Ярославский политехнический институт. Не прошел по конкурсу, взял справку о сданных экзаменах и с нею поступил в химико-механический техникум. Работал на заводе, стал писать рассказы, поступил в Литературный институт. Дальнейшая моя жизнь связана с литературой. Думаю, этого не произошло бы, если бы я не был по своим пристрастиям деревенским человеком. Всему начало – в лесном костромском крае, в моем родном Афонине.

Для каждого человека, для писателя в особенности, необходимо глубокое чувство родины, отчей земли, где ты рос и познавал жизнь, где покоится прах твоих предков, где все: от родительского дома до каждой былинки – исполнено особого смысла, дорого и свято. «Есть писатели, читая которых не удается почувствовать, распознать, откуда они родом – с юга или севера, из города или деревни, есть ли у них своя река или речка, было ли у них когда-нибудь детство. – писал по этому поводу Твардовский. – Но в творениях подлинных художников – и самых больших и более скромных по своему значению – мы безошибочно распознаем приметы малой родины. Они привнесли с собой в литературу свои донские, орловско-курские, волжские и заволжские родные места...». С этой любви к родным местам и начинается писатель. Не случайно Пришвин сказал: «Пишу – значит, люблю».

– Считаете ли вы, что литература может влиять на формирование человека и общества?

– К сожалению, отвечу в прошедшем времени: считал. Все мы так считали, ибо воспитывались на гуманистических произведениях классиков, и общество старалось эти нравственные традиции поддерживать. Ведь даже

разрушители этих ценностей не могут отрицать, что моральный кодекс советских людей строился на христианских заповедях.

Советская литература, без всяких оговорок, была великой и действительно способствовала воспитанию духовно здорового общества. Но при нынешней вседозволенности ее скоро оттеснил безудержный мутный поток псевдолитературы, способной не воспитывать, а разлагать, отравлять души.

– Кого вы считаете своим литературным учителем? По-

должна следовать традициям народности некрасовской поэзии. Это подтверждено творчеством Сурикова, Трфолева, Суркова, Смирнова, Ошанина, Смирнова и других писателей-земляков.

– Интересуетесь ли вы современной литературой? Что можно сказать о ее языке?

– То, что называют современной литературой, в большинстве своем не имеет отношения к настоящей литературе, так же, как мазня плохих модернистов не имеет отношения к живописи. Поэтому никакого интереса к та-

ступали по-другому. Опять вспомним время, когда книги выходили 100-тысячными тиражами, когда авторы получали значительные гонорары, съезды писателей проходили в Большом Кремлевском дворце в присутствии руководителей государства, функционировали многочисленные Дома творчества писателей...

Нынешним господам не до литературы, их идол – нажива. Как сказал Владимир Крупин, «желудок они именуют душой». Отсюда все беды, постигшие се-

исследований на Стрелке и возведения с этой целью огромного стеклянного купола на месте бывшего Успенского собора, я резко возразил против этой затеи в статье «Стеклянный купол для исторической Стрелки». А позднее, 22 ноября 2001 года, выступил в «Северном крае» с инициативой восстановления уничтоженного в 1937 году Успенского собора на Стрелке. Статья «Мы в долгу перед своими предками» была снабжена снимком самого собора и после словием редакции, предлагавшей высказаться по столь важному вопросу заинтересованным сторонам. Увы, не последовало никакого отклика, власть тоже отмолчалась. Но вот через пять лет было заявлено о решении восстановить храм (когда нашелся благодетель). Главное, конечно, итог: Успенский собор, столь же значимый символ Ярославля, как храм Христа Спасителя для Москвы, будет восстановлен. Своим выгоднейшим расположением на высокой Стрелке он украсит наш замечательный город, и это не может не радовать ярославцев.

– Жалее ли вы, что выбрали литературу своей профессией? Какой путь вы избрали бы сейчас, вернись молодость и появилась возможность начать все сначала?

– Нет, конечно, не жалею, потому что моя писательская судьба сложилась удачно. Я издал много книг (десять из них – в Москве), печатался в престижных журналах, мои произведения отмечены премиями, в том числе – всесоюзной. Благодаря Союзу писателей я объездил весь Советский Союз, вплоть до Приморского края и Сахалина, познакомился, можно сказать, со всеми известными писателями. На моей памяти замечательные праздники в республиках, проходившие под девизом «Дружба народов – дружба литератур». Так тогда было.

Мне оказывали доверие на съездах писателей, избирая членом правления СП СССР, секретарем правления СП РСФСР. А наши ярославские писатели 21 год избирали меня председателем своего правления.

Я удовлетворен тем, что успел во многом реализовать свои творческие замыслы: в нынешних условиях сделать это было бы совершенно невозможно. Например, одно из переизданий романа «Кологривский волок» имело астрономический тираж – 200 тысяч экземпляров. Трудно представить, сколько надо издать современных книг, чтобы достичь лишь этой цифры.

И еще важный момент. Героев своих рассказов, повестей, романов я воспринимаю как реальных людей, давно знакомых мне. Вместе с ними я трудился, любил, страдал и счастлив тем, что как бы прожил много жизней.

Я не отказался бы повторить свой литературный путь, хотя последние годы приносит больше огорчений, нежели радости. Но времена не выбирают. Вместе с тем, скажу откровенно: будь я сейчас молодым, вряд ли избрал бы своим поприщем литературу: она стала делом невестребованным, звание писателя обесценилось.

– Какой тост скажете на своем юбилее? За кого или за что?

– Поблагодарю семью за многолетнюю поддержку моей творческой работы. Вспомню многих замечательных писателей, которые приняли участие в моей литературной судьбе: Смирнова, Алексея, Маркова, Викулова, Ганичева, Бондарев и других, а также однокашников по институту. Многих уже нет. За светлую память об одних, за доброе здоровье других и произнесу тост, мысленно.

Беседовал Герберт КЕМОКЛИДЗЕ

Фото Ани Соловьевой

мог ли Литературный институт в вашем формировании как писателя?

– Никого не могу назвать своим литературным учителем, хотя некоторые таковыми считали Василия Смирнова, с которым меня связывали длительное знакомство и переписка. Я учился у всех известных в то время писателей, близких мне по восприятию жизни, читал все, что публиковалось у Антонова, Солоухина, Тендрякова, Астафьева, Нагибина, Никитина, Казакова, Носова, Белова... Не думал, что в будущем доведется познакомиться с ними лично. Из классиков большое влияние оказал на меня Бунин.

Безусловно, Литературный институт многое определил в моей творческой судьбе. Во-первых, лекции читали известнейшие литературоведы, во-вторых, проводились еженедельные семинары, их руководителями были тоже известные поэты и прозаики, в-третьих, немалое значение имело постоянное присутствие в литературной среде. После такого старта я хорошо познакомился с Москвой и вскоре стал там печататься.

– Можно ли говорить о ярославской литературе? Если да, то есть ли у ярославских писателей какие-то особенности?

– По большому счету, существует общая для всех нас русская литература. В то же время говорят о донской, орловской, смоленской, вологодской литературных школах. Такое же право на признание имеет и ярославская школа, основоположником которой является великий Некрасов. Она, на мой взгляд,

кой «литературе» не имею. Ее искусственно, буквально шнеком, пихают в книжные магазины, где на полках стоят одновременно (!) по десятку разных книг одного и того же автора. Заведомо понятно, что это – халтура. Да и что можно ожидать, если писателями считают себя все, кому не лень, если для издания книги не требуется ни рецензирование, ни редактирование? Нашел деньги – и печатай любую макулатуру.

Читаю Шмелева, Платонова, Замятина, Розанова, своих одногродков: Васпутина, Лихоносова, Потанина, а также публицистику, когда удается купить что-нибудь в киоске. Беда в том, что все издаются теперь регионально и мизерными тиражами.

О языке современной коммерческой литературы говорить не приходится, поскольку скатились к откровенной пошлости и мату.

– Пойдет ли на пользу обществу то, что значение литературы принижено, а серьезные писатели становятся ненужными для власти?

– Союз писателей был брошен на произвол судьбы с первого дня рыночных преобразований. Власть попустительствовала его расколу, оправдывая это свободой слова. Но оказалось, что беспредел в литературе может способствовать только разложению общества. Деградиация налицо: это и наркомания, и проституция, и бесчисленные преступления, и неистребимая коррупция, и даже торговля людьми. Не понятно, почему нынешняя власть безразлична к судьбе серьезной литературы? Ведь мудрые государи испокон веков по-

резную литературу и ее создателей.

– Как писателю и общественному деятелю, вам приходилось заниматься публицистикой? Какие вопросы вы ставили, и каковы были результаты?

– Мною опубликован ряд публицистических статей в ярославских и московских изданиях. Я писал о проблемах экологии, в частности, о недопустимости расширения нового производства НПЗ в сторону Карабики, что вызвало резонанс в Министерстве нефтехимической промышленности, судя по обстоятельному письму, полученному мной от замминистра. Несколько раз выступал в печати против строительства в Ярославле АТЭЦ, и, слава богу, этот проект был остановлен. Писал о необходимости возвращения исторических названий улицам, переименованным после революции. Некоторым улицам и городу Пошехонье вернули прежние названия. Однако одна из центральных улиц Ярославля до сих пор носит имя Якова Свердлова, главного организатора массового красного террора, единолично подписавшего кровавую директиву о расказачивании, в результате чего казачество подверглось страшному истреблению. Не может быть забыт тяжкий грех Свердлова перед Россией, связанной с расправой над царской семьей. Нет города Свердловска, нет площади его имени в Москве, а ярославская власть по-прежнему чтит палача русского народа.

В 1991 году, когда началась дискуссия по поводу ленинградского проекта археологических